

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

С.А. Соллертинский

**Памяти
Святителя Иоанна Златоуста**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 12. С. 710-722.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Памяти Святителя Иоанна Златоуста.

КАЖДОМУ невольно можетъ придти на мысль сопоставленіе, по которому на одной сторонѣ представляются носители великой физической силы, несокрушимаго здоровья, и, вотъ несмотря на это они, какъ обреченные на смерть, какъ *morituri*, дѣлаютъ послѣдній привѣтъ своему владыкѣ; на другой сторонѣ стоитъ прославляемый угодникъ Божій св. Іоаннъ Златоустъ, и онъ тоже на самомъ переходѣ отъ жизни къ смерти славословитъ Всевышняго достопамятнымъ: «слава Богу за все», коимъ благодаритъ Господа, какъ за свои великіе таланты и цѣлую сокровищницу своихъ вѣковѣчныхъ твореній, такъ, судя по его вѣровозрѣнію ¹⁾, и за вынесенныя имъ совсѣмъ несправедливыя страданія, на которыя онъ смотрѣлъ, подобно брату Господню Іакову ²⁾, какъ на великое счастье. Эта антитеза двухъ міровъ языческаго и христіанскаго является знаменательною и умѣстною, чтобы упомянуть о ней теперь потому, что въ ней, если не ошибаюсь, дана вѣрная разгадка горькой судьбы, выпавшей на долю святителя. То еще не имѣетъ рѣшающаго значенія, что

¹⁾ Творенія Св. І. Златоуста. Изд. Спб. Дух. Акад. V, 122 (благоденствіе часто приноситъ больше зла); V, 398 (бѣдствія приносятъ иногда меньше зла); XI, 352 (для насъ необходимы) III, 463 (они сосредоточиваютъ душу); I, 35, III, 36; IV, 471 (вразумляютъ и изощряютъ насъ); V, 16 (создаютъ спокойствіе души); I, 65 (рождаютъ и усиливаютъ дружбу); X, 157 (научаютъ любомудрію); IV, 421 (чрезъ нихъ слышитъ насъ Богъ); VII, 109, IX, 591 (по этому должно переносить ихъ съ благодареніемъ); XII, 1032 (истинное несчастіе въ прогнѣвленіи Бога).

²⁾ Іаков. I, 1. сл.

онъ жилъ въ то время, когда возникла серьезная попытка воскресить язычество ¹⁾, облагородить эти вѣрованія въ «600 боговъ» ²⁾, якобы правящихъ міромъ и человѣчествомъ, и что святитель неотложнымъ своимъ долгомъ считалъ бороться съ такимъ зломъ. Главное кроется въ нѣдрахъ самого тогдашняго христіанства. Святитель Христовъ Іоаннъ по призванію былъ носителемъ и образцомъ полной и чистой безпримѣсной христіанственности. Если, приобщившись христіанству чрезъ крещеніе, онъ даетъ себѣ заповѣдь не говорить лжи, не изрекать клеветы, не принимать участія въ легкомысленныхъ разговорахъ, то это едвали не сходствуетъ съ тѣмъ, какъ другой Святитель, сдѣлавшись епископомъ, говоритъ себѣ: теперь ты Николай долженъ служить ближнимъ, какъ будто до этого онъ не служилъ имъ всей своей душой и всей своей волей. И даже та непрямота, которая усматривалась бы, притомъ съ его согласія, въ его отношеніи къ другу своему Василию, вся разъясняется его отвѣтомъ—его достославнымъ словомъ о священствѣ, изъ котораго прямо видно ³⁾, что его собственное уклоненіе отъ епископства—къ которому онъ не имѣлъ нравственнаго права склонять своего друга,—было слѣдствіемъ его глубокаго смиренія, непосредственно напоминающаго намъ великаго Апостола, который, будучи сосудомъ святости, преискренно считалъ себя грѣшнѣйшимъ всѣхъ грѣшниковъ. И нужно ли говорить далѣе, что все его пастырское служеніе исходило изъ глубокой отданности христіанской вѣрѣ и старалось вести къ этому другихъ, считая это неотложнымъ дѣломъ, неисполненіе коего было по нему прямымъ и тяжкимъ грѣхомъ. Несмотря, однако, на все это, несмотря засимъ на безпримѣрное дѣйствіе его слова и увѣщанія, онъ встрѣтилъ враговъ въ своихъ собратяхъ по вѣрѣ. И они не щадили его. Они и добрыя слова его искажали, превращая въ преступное, въ злое. И, всякій знаетъ, они употребили всѣ мѣры, чтобы сдѣлать его жизнь мученіемъ, не зная буквально никакой жалости. А почему и за что? Потому, что и имъ, и ему было до очевидности ясно, что между ними лежитъ цѣлая пропасть, прямо разрѣшающаяся въ антитезу язычества, съ одной стороны, христіанства—съ другой.

¹⁾ См. напр. Творенія св. Зл. I, 1 сл. XXVI.

²⁾ Творенія VI, 232.

³⁾ Творенія св. Зл. I, 408 слѣд.

Не дается ли здѣсь само собою прямой аналогіи нынѣшнему, несмотря на полторы тысячи лѣтъ, раздѣляющихъ насъ отъ великаго нравоучителя? Судя по всему, не кажется исторически недостовѣрнымъ находить, что съ давнихъ временъ и доселѣ въ христіанскомъ мірѣ параллельно идутъ два теченія, которыя въ отдѣльныхъ случаяхъ, здѣсь или тамъ могутъ сливаться лишь по свойственной людямъ непослѣдовательности; но по существу они такъ расходятся между собою, что на крайнемъ концѣ одного является полный эвдемонизмъ, а на крайности другого теченія является самая суровая аскеза отшельника. И одно изъ нихъ есть чисто христіанское, а другое называетъ себя гуманизмомъ. Этотъ послѣдній издавна возникъ въ прямой зависимости отъ того, что человѣкъ въ себѣ самомъ нашелъ силу успѣшно отстаивать себя отъ давленій окружающей его внѣшней природы. Какъ—какимъ уваженіемъ къ себѣ отражается это открытіе въ душѣ, ясно выражено въ библейскомъ сказаніи объ изобрѣтателѣ стрѣляющаго орудія, который говоритъ женамъ своимъ, что если Господь за Каина общалъ, наказать всемеро, то «за него (Ламеха) отомстится въ семьдесятъ разъ всемеро» ¹⁾. Таково настроеніе человѣка, предъ которымъ забрезжилась заря побѣды надъ природою послѣ долговременныхъ побѣдъ ея надъ нимъ. А достиженіе по возможности полнаго господства надъ міромъ, которое здѣсь является самой естественной и насущной задачей для человѣчества, могло и можетъ лишь усиливать это горделивое богоборственное мнѣніе его о себѣ. Съ одной стороны, дѣйствительное преобореніе природы въ виду постоянно встрѣчаемыхъ препятствій къ этому запрашиваетъ самой сосредоточенной внимательности къ всѣмъ многосложнымъ и разнообразнымъ условіямъ и законамъ дѣйствительности и черезъ это отчуждаетъ отъ ума все, стоящее внѣ этихъ условій и законовъ, какъ сомнительное, и едва ли существующее, разъ оно чувственно непредставимо. Съ другой стороны и главное удача въ осуществленіи разъ поставленной задачи, создавая постепенно разрастающуюся цѣлую вереницу побѣдъ надъ міромъ, лишь еще тверже укрѣпляетъ въ мысли, что для человѣка возможно все, тѣмъ болѣе что народившійся разумъ научный открываетъ такіе горизонты для надеждъ на господство человѣка надъ существующимъ, что самое невозможное представляется только

¹⁾ Кн. Бытія IV, 13. 23 сл.

лишь вопросомъ времени; и какое бы придирчивое сомнѣніе тутъ мы ни прилагали, по всему выходить, что это совсѣмъ не мечта, совсѣмъ не легкомысліе.

И вотъ на всѣхъ этихъ, какъ можно видѣть, совсѣмъ не мелкихъ устояхъ опирается открытіе, которое составляетъ кровную принадлежность и вмѣстѣ отличительную особенность гуманизма, именно его, и только его. Разумью открытіе должнаго по нему закона человѣческой дѣятельности. Еще во времена наивной древности стоя на своей родной почвѣ гуманистическое воззрѣніе исповѣдало, какъ догматъ и непреложное правило, что разъ человѣкъ есть человѣкъ, онъ не можетъ и не долженъ отчуждать отъ себя ничего человѣческаго—*homo sum et nihil humanum me alienum puto*. Поэтому какъ бы ни было безспорно, что ему присущи два ряда свойствъ чувствъ, хотѣній и склонностей, которыя обыкновенно и пусть справедливо различаются между собою, какъ нисшія и высшія; но уже для того, чтобы сохранить устойчивое равенство человѣка самому себѣ и для того, чтобы сберечь въ человѣкѣ самодовлѣющую личность, сберечь ничѣмъ несвязаннаго, не сжатаго дѣятеля, нельзя ставить закономъ дѣятельности ни того, который ищется нисшими инстинктами его естества, ни того, который запрашивается высшими запросами послѣдняго. Это есть крайности эвдемонизма съ одной стороны, аскетизма съ другой, въ принципѣ одинаково урѣзывающія то, что составляетъ собственность, по правилу неприкосновенной, человѣческой природы. Такимъ образомъ чисто моральный критерій дѣятельности также отпадаетъ, какъ и эвдемонистическій. И должнымъ правиломъ его на почвѣ гуманизма само собою является иное: достоинство человѣка, изъ котораго возникъ самъ гуманизмъ и для котораго данъ въ нашей природѣ прямой залогъ въ чувствѣ, въ инстинктѣ чести. Отсюда всякое то дѣйствованіе есть правильное и законосообразное, которое не затрогиваетъ чести человѣка. Конечно, чрезъ это скобки раскрываются слишкомъ широко, если сообразить, что и сколько можетъ сдѣлать человѣческое искусство, умѣющее такъ или иначе представить напр. такое-то вотъ дѣйствіе изъ чисто личнаго чувства вытекающимъ изъ общеуважительныхъ соображеній. Однако надо, говорить, не упускать изъ виду, что не только гуманистическій критерій силенъ создать цивилизность человѣка, его деликатныя отношенія къ другимъ, житейскую гибкость, недостаткомъ которыхъ Фарраръ, напр., готовъ

объяснять паденіе энтузіазма христіанской нравственности св. Златоуста ¹⁾; не только чрезъ указанную широту этого критерія достигается полножизненность человѣка и энергія его воли, которая въ такомъ случаѣ подогрѣвается не отвергнутыми полемическими чувствами, но съ теченіемъ времени все мало по малу перерабатывается и человѣчество достигнетъ *идеальной* мѣры человѣчности.

Этого мало. Въ теперешнія времена полной и повсюдной переоцѣнки цѣнностей намъ прозрачно намекають, а то и прямо говорятъ уже о томъ, что гуманизмъ есть не просто цѣль послѣдовательно, начиная съ Адама, появившихся отдѣльныхъ людей, не просто цѣлое направленіе, существующее параллельно съ христіанствомъ, но въ сущности и нѣтъ ничего другаго, кромѣ гуманизма, есть только односторонности того же самаго гуманизма или недоразумѣнія и искусственныя натяженія. Что въ ликѣ равноапостольнаго Константина на иконахъ выражаютъ поклоненіе ему не какъ виновнику гибели близкихъ и родныхъ ему, а какъ Апостолу ученія Христова, торжественно провозгласившему истинность Христовой вѣры, это разрѣшаютъ въ намѣренное нарушеніе исторической правды, утверждающей безспорную дородность его по тѣлу. Что Апостолъ Павелъ замѣнь обрѣзанія плоти сталъ проповѣдывать объ обрѣзаніи духовномъ, это рассматриваютъ какъ недолжное пренебреженіе къ человѣческой плоти, право сохранившееся въ древнемъ добромъ законѣ. Еще больше: когда

¹⁾ Фарраръ, Жизнь и труды св. отцовъ и учителей церкви. Петр. 1903 II, 452. 470 сл. Пользуюсь здѣсь случаемъ сказать, что были попытки утверждать, будто горькая судьба Златоуста причиной своей имѣла твердо установленное, съ неизмѣннымъ благоговѣніемъ проповѣданное имъ ученіе о Божествѣ I. Христа. Но основаній къ этому нѣтъ никакихъ—ни прямыхъ, ни косвенныхъ. Относительно послѣднихъ могу смѣло заявить, что лжеученія Колиридіанъ, Бонозіанъ и Фотина не только не имѣютъ своего завершительнаго разрѣшенія въ изгнаніи Златоуста, но и вовсе не могутъ быть считаемы за косвенный маневръ чрезъ отрицаніе приснодѣвства Богоматери держать въ сомнѣніи божественность Спасителя, прямого отрицанія которой яко бы они боялись въ виду того, что первый вселенскій соборъ уже торжественно исповѣдалъ оную. А что касается до прямыхъ основаній, то мы знаемъ только, что Святителя обвиняли въ крайней скупости, въ высокомеріи, въ устройствѣ ночныхъ оргій, чуть ли не любострастныхъ стремленій къ Евдоксии и тонкихъ, но якобы, безспорныхъ поношеній ея въ послѣдствіи. Какъ это все было ни живо и ни полно іезуитской неразборчивости въ средствахъ, но въровозрѣнія совѣмъ не касалось.

человѣка постигло какое нибудь горе, или какое иное произошло волнующее душу событіе въ его жизни, онъ идетъ въ храмъ и храмъ рождаетъ въ немъ молитвенный подъемъ, онъ находитъ здѣсь успокоеніе и утѣшеніе. А вотъ, когда его душа не выбита чѣмъ-либо изъ колеи и находится въ надлежащемъ равновѣсіи, храмъ ему ничего не говоритъ, онъ здѣсь какъ въ лѣсу; и объяснить это онъ склоненъ не чѣмъ-либо другимъ, не тѣмъ, напр., что всецѣло погруженная въ житейское душа его и въ храмѣ остается погруженной въ житейское, остается ровно до тѣхъ поръ пока въ ней не грянуль какой нибудь громъ, а тѣмъ, что въ храмѣ — въ религиозномъ нѣтъ дѣйствительной силы. Еще больше: ему видно даже то, что Христосъ не спасаль, т. е. что и послѣ Него люди стали жить, какъ жили прежде и человѣческое развитіе идетъ однимъ и тѣмъ же путемъ. А что Спаситель Христосъ есть Богосильный Основатель строя жизни, отвѣчающаго самымъ высшимъ запросамъ чистой нравственности, это кажется хотѣли бы считать за пережитокъ, ибо говорить о томъ, что время Христа евангельскаго миновало и наступило время Христа апокалиптического, замѣняющаго аскетическое отрицаніе плоти возвышеніемъ его въ пречистую плоть. Пользуясь по своему языкомъ откровенія, говорятъ, что вопреки всѣмъ даннымъ эмпиризма, по основаніямъ гораздо болѣе высшимъ физическое безсмертіе абсолютно необходимо. Слѣдовательно вполнѣ достоверно, и начало ему положилъ безспорно воскресшій человѣкъ Христосъ ¹⁾; воскресеніемъ Его основополагается новый послѣдній періодъ—царство Духа Святаго и отмѣняется второй періодъ Сына Божія—христіанство, которое все сплошь, а не одно только христіанское монашество, есть аскетизмъ, отрѣщенный отъ жизни и дѣйствительности. Т. е. непринимаящій гуманическаго закона человѣческаго достоинства.

Теперь, готовно слѣдуя за Божественнымъ Создателемъ вѣры небесной—Который не уничижалъ, а возвысилъ человѣчество,—и нынѣ прославляемый Угодникъ Божій также ревнуетъ о достоинствѣ, чести, о благодествѣ людей этой вѣры.

¹⁾ Не вдаваясь въ обстоятельное сужденіе этихъ высшихъ основаній автора брошюры „Мечъ“, я считаю достаточнымъ сказать только то, что они удовлетворительно покрываются воскресеніемъ сына вдовы Сарептской, или Наинской, или дочери Іаира, или Лаазаря, или Тавиены, которыхъ авторъ ни признаетъ, ни отрицаетъ, а просто молчитъ.

Правда—онъ всецѣло прилѣпляется и къ тѣмъ качествамъ чело-
вѣка, которыя въ изыскомѣ гуманизмѣ, начиная съ Цель-
са, не находятъ себѣ мѣста, считаются за безчестія; но
потому что, выдавать кротость за трусость,... смиреніе за ра-
болѣпство по его слову совсѣмъ преступно ¹⁾). Потому что не
видѣть, что эти якобы пассивныя добродѣтели въ сущности
суть великая сила ²⁾)—значить быть въ ослѣпленіи. Потому
что они суть орудія, прямо способствующія достиженію выс-
шей челоуѣчности, не призрачной, а истинной челоуѣчности.
Эта послѣдняя указана въ простыхъ, но вѣчныхъ словахъ
Спасителя о томъ, что нѣтъ сокровища выше богообразной
челоуѣческой души, съ чѣмъ не согласится никто изъ здраво-
умныхъ себѣ не позволить. Отсюда цѣль всего челоуѣческаго
прогресса заключается въ томъ, чтобы достигнуть возможно
полной духовности, такимъ образомъ: не полнаго господства
надъ міромъ, а всеобъемлющаго и всепроникающаго господ-
ства духовнаго начала въ мірѣ и челоуѣкѣ. Тогда только по
нему люди суть люди, когда центральнымъ предметомъ ихъ
занятій и заботъ становится духовное ³⁾). Стоя неуклонно
на этой именно почвѣ и въ благоустроеніи своей личной жиз-
ни, и въ собственной дѣятельности, желая кромѣ этого по-
мочь чрезъ свое назиданіе всѣмъ христіанамъ, святитель не
отрицаетъ тѣлеснаго естества челоуѣческаго, напротивъ, осу-
ждаетъ манихейскій отрицательный взглядъ на тѣло ⁴⁾), и счи-
таетъ наиболѣе правильнымъ обвинять за плотскую жизнь не
тѣло, а душу ⁵⁾); этого мало: находить прямо несправедливымъ
отнимать у тѣла право участвовать въ блаженствѣ, разъ оно
участвовало въ трудахъ и подвигахъ добродѣтели челоуѣка ⁶⁾).
Не отрицаетъ онъ и богатство, отрицаетъ ⁷⁾), напротивъ, то
теченіе въ первоначальномъ христіанствѣ, которое навлекло на
христіанскую вѣру упреки въ томъ, что она призываетъ не
только къ полному отказу отъ житейскихъ дѣлъ—торговли,
фабрикъ и т. д., но и къ полному пренебреженію хотя самыхъ

¹⁾ Творенія I, 90.

²⁾ Ibid. напр. IX, 418; VI, 327; IV, 866;—VI, 150. 492; IX, 277, III, 320; Слово о смиренномудріи XII, 528—34.

³⁾ III, 101 и др.

⁴⁾ Ib. X, 800 слѣд.

⁵⁾ Ib. X, 143.

⁶⁾ Ibid. IV, 768.

⁷⁾ Ibid. III, 196.

скромныхъ жизненныхъ удобствъ. И даже бѣдность онъ хотя привѣтствуетъ какъ величiе и благо, а все же призываетъ быть далекимъ отъ мысли, будто въ ней само собою уже лежитъ основа праведности ²⁾ человѣка. Но то вмѣстѣ онъ видитъ, и настойчиво даетъ видѣть, что тутъ есть широкая возможность полнаго уклоненiя отъ прямой великой цѣли, на которой должны быть безраздѣльно сосредоточены всѣ. Поэтому онъ не только предостерегаетъ отъ погруженiя въ море страстей; но беретъ самое высшее и благородное, что можетъ дать и представить отъ себя тѣло и призываетъ cadaго понимать, что тѣлесная красота, какъ бы она ни была совершенна и обаятельна, въ подкладкѣ имѣетъ такiе составы, какъ слизь, кровь... желчь и сокъ принятой пищи ³⁾, отъ которыхъ отвращается наше же собственное эстетическое чувство. Съ той же силой и настойчивостью онъ поучаетъ, что дѣйствительное достоинство богача бываетъ не въ томъ случаѣ, когда онъ раздѣзжаетъ на мулахъ, на которыхъ, однако, иногда возятъ и простыя каменья ⁴⁾, а исключительно въ случаяхъ приобрѣтенiя чрезъ него новаго высшаго богатства, дающагося въ благотворительности ⁵⁾. А затѣмъ повсемѣстно и ежеминутно слышится отъ него призывъ къ приобрѣтенiю высшей чести, которая заключается не въ чемъ иномъ, а именно въ добродѣтеляхъ ⁶⁾, которыя указуются Христовымъ учениемъ о блаженствахъ и добрую цѣнность, красоту которыхъ могло съ такою силою живописать только пламенное слово Златоуста. Однако, здѣсь не конецъ, а только начало конца. Добродѣтели ткуются на небѣ—тамъ ихъ происхожденiе, человѣкъ не создалъ ихъ самъ, а имѣетъ потому, что благодаря челоуѣколюбию Творца, онъ есть отображенiе Божiе ⁷⁾ и только поэтому въ немъ—въ существѣ *конечномъ* можетъ обитать совершенно реализующееся только въ существѣ *безконечномъ*—въ Богѣ. И слова нѣтъ, что этому конечному существу близкоу соблазнъ при-

1) Ibid. наур. III, 273, 431 сл.; X, 597 и др.

2) Ibid. I, 432. 790; X, 645.

3) Ib., I, 22.

4) Ib. III, 273.

5) Ib. наур. III, 268, 411; IV, 713; I, 796, 792; VII, 392 и мн. др.

6) Ib. V, 242.

7) Ib. V, 271, ср. VII, 275. Поэтому св. Отецъ добродѣтель называетъ естественною для насъ, показывая, что задатки ея твердо обозначаются въ дохристианскомъ времени (VII, 267), или что чрезъ добродѣтель мы со-

своить чужое себѣ—стремиться къ богоравенству. Слова нѣтъ, что соблазнъ такой ему свойствененъ не только, когда ему еще чужда добродѣтель, но еще болѣе въ томъ состояніи и настроеніи, когда онъ вжился въ добродѣтель ¹⁾ и отъ полноты ея какъ бы ощущаетъ, осязаетъ въ себѣ божественное. Однако въ сущности это будетъ не что иное, какъ неправда гордости, на которую поэтому Святитель и ополчается, давая видѣть, что отъ нея не только происходитъ несправедливое увлеченіе богатствомъ ²⁾, умаленіе любви къ ближнему ³⁾, не только она есть неразуміе человѣка, который, если бы зналъ Всесовершеннаго, мгновенно отказался бы отъ него ⁴⁾, не только въ ней корень и основаніе всѣхъ золъ человѣческихъ ⁵⁾, но прямо нѣтъ ничего хуже ея ⁶⁾. Отсюда самое стремленіе наше къ истинной человѣчности—къ возможно полной духовности путемъ преуспѣянія въ добродѣтели, представляется не иначе, а именно какъ послушаніе волѣ Божьей ⁷⁾. Истинное благородство, а вмѣстѣ и высочайшее наше достоинство заключается въ нашемъ богосыновствѣ ⁸⁾, ревностное заслуживаніе котораго и должно составлять конечную цѣль нашего подвига.

Таковы въ общемъ завѣты, которые св. Златоустъ обращаетъ ко всѣмъ христіанскимъ поколѣніямъ, ставя при этомъ на видъ, что они касаются не тѣхъ лишъ, которые ушли отъ

храняемъ себя, какъ чрезъ порочное разрушаемъ себя (VI, 348; XI, 20). А что иногда говорить, что добродѣтель не отъ природы (напр. VI, 348), то этимъ онъ не отрицаетъ ея природосообразности, но знаетъ, что наше настроеніе, наша свободная воля могутъ человѣка свернуть на другой путь, и тогда самая природосообразность ему не доможетъ.

¹⁾ Ib. VI, 411, 807; I, 854; и ничто такъ не рождаетъ гордости, какъ добрая совѣсть (VI, 397).

²⁾ Ib. I, 33.

³⁾ Ibid. VII, 612.

⁴⁾ Ib. IX, 755.

⁵⁾ Ib. VI, 320. 365; VII, 150; XI, 575; VI, 410.

⁶⁾ Ibid. V, 305; VI, 410; VII, 669.

⁷⁾ Ibid. IV, 763; VII, 608. Поэтому истинная мудрость есть не что иное (I, 100), какъ страхъ Божій (=опасеніе прогнѣвать Его непригодными дѣлами и мыслями), безъ котораго нельзя совершать добрыхъ дѣлъ (XI, 288) и быть человѣкомъ въ истинномъ смыслѣ значить—бояться Бога (I, 485 см. III, 101).

⁸⁾ Ib. VII, 222; конечно и богосыновство понимается въ дѣятельномъ смыслѣ, т. е. не какъ только получившихъ богосыновство въ богоданныхъ и богоподобныхъ свойствахъ своей души, но непременно и какъ повинующихся волѣ Божьей въ своихъ дѣлахъ (VII, 463).

міра въ кельи или пещеры, но обязательны для каждаго, разъ онъ христіанинъ; ибо, говорить, поведеніе мірянъ отличается отъ монашескаго лишь тѣмъ, что они вступаютъ въ бракъ ¹⁾. И не правда ли на самомъ дѣлѣ, что всѣ основанія стоятъ за то, что намъ начерталъ великій отецъ Церкви, а отнюдь не за (выше обрисованное) гуманистическое воззрѣніе. Что начертанное имъ—оно именно заповѣдано стократъ величайшимъ Спасителемъ сего міра; что оно есть путь не только къ полному достиженію истиннаго человѣческаго достоинства, но и къ спасенію; что гуманическій законъ чести, бьющій прежде всего на практическую свою прикладность, на самомъ дѣлѣ вынужденъ отказаться отъ своего дѣйствія на массы ровно до тѣхъ поръ, пока ихъ облегаютъ назойливыя суровыя нужды хоть кое-какого покрытія самыхъ первичныхъ запросовъ физическаго существованія, и что онъ—этотъ законъ гуманической чести обнаруживаетъ свою недостаточность со всѣхъ тѣхъ точекъ зрѣнія, съ какихъ подлежитъ рѣшительному осужденію гордость вообще,—это видно само собою. Но по нынѣшнимъ временамъ особенно важно переставить обѣ величины такъ, какъ это должно, а не такъ, какъ это кажется по видимости и обыкновенно принимается безъ провѣрки. Гуманизмъ есть пережитокъ, доставшійся намъ отъ старыхъ временъ, когда думали, что не земля круговращается, а солнце. Господство человѣка надъ міромъ, міръ созданъ для нуждъ человѣка, словомъ антропоцентрической взглядъ осужденъ наукою безповоротно и терпится исключительно потому, что въ отношеніяхъ между природой и человѣкомъ послѣдній пока представляетъ сторону страдательную. А что міръ—разныя отрасли бытія, а также и дѣла суть арена, на поприщѣ которой человѣкъ долженъ трудиться для нихъ—приражать къ нимъ свои богоданные высокіе задатки—этого, этихъ хр. обязанностей къ міру никакъ нельзя осудить, и чѣмъ больше человѣчество будетъ прогрессировать, тѣмъ больше они будутъ сказываться неотложными. Тамъ всякій добрый вкладъ вносится человѣкомъ косвенно—въ прямой зависимости отъ того, что ему самому нужно, и если то, что женское образованіе возникло собственно для приданія порабощенной тогда и безвольной части рода человѣческаго наибольшей обаятельности ²⁾, если это объяснять

¹⁾ Ibid. XII, 75.

²⁾ См. соч. Prof. Lazarus о душѣ.

старыми временами, то вѣдь и до сихъ поръ удержана эта косвенность въ пресловутомъ законѣ совмѣщать личный свой интересъ съ общественнымъ, который и до сихъ поръ не смѣняется хр. закономъ, коимъ эта двойственность меня и другихъ уничтожается и, говоря себѣ: логика моей дѣятельности опредѣляется логикой предмета моей дѣятельности, христіанинъ стоитъ на прямомъ пути къ тому, чтобы всецѣло отождествиться со своимъ дѣломъ, отъ чего можно и должно ожидать лишь плодоноснаго и благотворнаго. Опять слова нѣтъ, человѣку лестно думать, что тѣ дѣла, напр. воспитаніе, которыя онъ ведетъ и совершаетъ, созданы имъ, возникли и существуютъ благодаря его разуму и волѣ, и безъ него ихъ бы не было. Однако, точный анализъ безапелляціонно отнимаетъ у него эти лавры, разоблачая недоразумѣніе, по которому за творческое созданіе человѣкомъ таковыхъ дѣлъ въ сущности принимаются нерѣдко сбивчивыя, смутныя и всегда эгоистическія исканія, благодаря которымъ люди не создали, а лишь замѣтили то, что отъ вѣка дано въ планѣ Творца вселенной. Опять мало сказать, что насколько дѣйствіе по закону человѣческой чести противопоставляется закону послушанія Богу чрезъ служеніе любви и правдѣ, ровно настолько дѣйствіе это оставляется безъ фундамента — безъ опоры на должныхъ внутреннихъ настроенійхъ, и, какъ это бываетъ, всякій истовый дѣятель по одному эстетическому чувству рѣзкаго диссонанса между своимъ собственнымъ виѣшнимъ и внутреннимъ, непременно перебросится на путь христіанскій. Мало сказать это, ибо развѣ не вѣрно, что люди съ незапамятныхъ временъ признали, что нужно дѣйствовать по должному; и развѣ это не прямая ихъ непослѣдовательность, если этотъ законъ долга они представляютъ не по христіанскому, не какъ законъ нравственнаго долга. Наконецъ, развѣ хоть сколько-нибудь не вѣрно, что наживать и накапливать и укрѣплять духовное свое естество составляетъ задачу, грандіознѣе которой по послѣдствіямъ и не можетъ имѣть самое сосредоточенное исканіе человѣческаго достоинства уже потому, что, сосредоточиваясь на ней, люди самымъ спокойнымъ и мирнымъ образомъ, даже безъ всякихъ международныхъ конференцій, въ родѣ Гагской, сняли бы съ себя всѣ свои, теперь пока совсѣмъ неизбѣжныя, но грубыя, противочеловѣчныя стихійности, почему, между прочимъ, Святитель добрый педагогъ и живописуетъ многократно, что въ виду этой задачи

обычныя задачи дѣятельныхъ человѣческихъ стремленій являются тѣмъ болѣе мелочными и оскорбительными для человѣческаго достоинства, чѣмъ усиленнѣе стараются придать имъ серьезное значеніе. Наконецъ, развѣ возможно оспаривать, что тѣло наше становится пусть и не пречистою плотію, но вмѣстителемъ истинной красоты не тогда, когда оно лишь снаружѣ есть красота, въ подкладкѣ же въ своихъ составахъ и въ своей судьбѣ по смерти другое; а въ томъ именно случаѣ, когда чрезъ заботы о духѣ оно болѣе и болѣе одухотворяется, когда, какъ уже теперь говорятъ, каждый атомъ его можетъ имѣть сознанье, когда, прежде всего, благодаря этому одухотворенію, въ немъ мало чему будетъ умирать. Такъ—и по цѣли для человѣческаго дѣйствованія, и по закону послѣдняго и по нормѣ отношеній къ душѣ и тѣлу, христіанское воззрѣніе въ противоположность тому, которое претендуетъ быть гуманистическимъ, является не только христіанскимъ, но и болѣе роднымъ для научнаго разума, и открывающимъ гораздо болѣе широкія перспективы для человѣческаго совершенствованія. На долю гуманистовъ остается пессимизмъ, послѣ котораго они находятъ себѣ утѣшенье въ томъ, что пусть люди неспособны идти царскимъ путемъ, потому что царствіе Божіе нудится и только нуждницы восхищаютъ е; но если они еще дикарями убивали дѣтей, родившихся съ зубами, какъ перешедшихъ предѣлы человѣческой индивидуальности, или предпочитали полигамію собственно для отличенія своего отъ обезьянъ своей стороны, значить огонь человѣческаго достоинства въ нихъ вложенъ сильный и значить въ концѣ концовъ благодаря этой силѣ они все равно поднимутся на высоту духа, только поднимутся болѣе извилистымъ и длиннымъ путемъ. Но къ чему все длинный, извилистый путь? И развѣ это безразлично?

Да, позволяю себѣ сказать, дѣйствительно этотъ оклеветанный, гонимый, истерзанный, прямо вколоченный въ гробъ,— дѣйствительно Златоустъ долженъ былъ окончить общеніе свое съ земнымъ міромъ такою лебединою пѣснью, которую онъ воспѣлъ Всемогущему. Ему представлялся соблазнъ великой славы языческой, но, чувствуя въ себѣ призванье къ еще болѣе великому и славному, онъ преодолѣлъ этотъ соблазнъ. Отдавшись хр. богомыслию и жизни по вѣрѣ, онъ достигъ такой высоты, что навѣрное испыталъ еще большій соблазнъ стремленія праведника къ богоравенству отъ полноты достиг-

нutoй имъ христіанственности; но это глубокое богомысліе, до котораго онъ возвысился, спасло его и отъ этого соблазна, разгадало, (какъ выше сказано) все неразуміе гордости въ этомъ рѣшительномъ случаѣ. Благодаря этому изъ него содѣлался драгоцѣннѣйшій, чистый алмазь, которому суждено—заслуженно суждено блистать все время, пока существуетъ человѣчество на землѣ. И тамъ—въ небесныхъ обителяхъ ему *есть* утѣшеніе отъ земли и земного, заключающееся не только въ томъ, что его творенія привлекаютъ къ себѣ захватывающее вниманіе безконечнаго ряда человѣческихъ поколѣній; но и въ томъ, что теперь, наряду съ языческимъ гуманизмомъ, благодареніе Богу, уже народилось такое направленіе, которое по требованіямъ справедливости должно считать св. Златоуста однимъ изъ главныхъ своихъ первоапостоловъ и піонеровъ, то направленіе, которое девизомъ своимъ поставило «все въ Богѣ»—панентеизмъ, которое въ совершенномъ и согласіи съ нимъ требуетъ, чтобы въ житейской своей жизни мы жили, какъ бы въ монастырѣ ¹⁾, которое, какъ и онъ ²⁾, желаетъ стремиться къ тому, чтобы не въ храмѣ лишь, а и во всѣхъ мірскихъ своихъ дѣлахъ мы «предстояли Богу»—совершали богослуженіе Ему волею, поминая какъ своего первоначальника достославнаго творца литургическаго служенія Всевышнему чувствомъ и сердцемъ.

Проф. Прот. С. Соллертинскій.

¹⁾ ib. I, 101.

²⁾ ib. V, 41.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки